

Мария Чернышова

НЕЖДАННАЯ ЛЮБОВЬ

Мария Чернышова

Нежданная любовь

«Издательские решения»

Чернышова М.

Нежданная любовь / М. Чернышова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838615-2

Что делать, когда ворвавшиеся в дом обстоятельства нарушают привычный уклад жизни, оставляя на память лишь боль и слёзы? Легко ли в один миг лишиться всего? Дома, друзей, поддержки близких? Отныне нет той жизни, есть лишь двое одиноких и таких разных, казалось бы, людей, которые волей судьбы не могут разлучиться друг с другом и которым предстоит найти своё место в жизни, свой путь и свою любовь.

ISBN 978-5-44-838615-2

© Чернышова М.
© Издательские решения

Содержание

Слово от Автора	6
Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Нежданная любовь

Мария Чернышова

Дизайнер обложки Наталья Гудожникова

© Мария Чернышова, 2017

© Наталья Гудожникова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8615-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово от Автора

Здравствуйте, мои дорогие читатели. Я рада представить вам свою первую в жизни книгу. Именно поэтому прошу отнестись с пониманием и если что не судить очень строго. Может быть, в чем-то я и не права, но эта книга писалась от чистого сердца. В ней нет каких-то споров или осуждений. В ней лишь жизнь, Обычная, человеческая жизнь, со своими радостями и тревогами. Надеюсь, что после прочтения, эта книга всё же оставит в вашей душе, хотя небольшую свою частичку. А так же я хочу передать огромное спасибо всем своим друзьям, которые помогали мне морально при создании книги. Не буду выделять кого-то конкретно, так как вклад каждого из них очень ценен для меня. Спасибо за то, что вы рядом. Всем приятного всем чтения.

Пролог

Осень, мимо пролетают листья, падающие с деревьев, моросит мелкий дождь. Вот и новый рейс между Москвой и Ярославлем. За этот год я уже раза три катался по почти, что родному мне маршруту. Припарковавшись на одной из стоянок, я вышел из машины и побрёл к небольшому ларьку, возле остановки. Купив бутылку воды и пару пирожков, я осмотрелся и направился к остановке. Да, мокнуть под дождем, даже мелким приятно было мало, но и идти в душную кабину ГАЗа тоже не хотелось. Остановка как всегда мелькала разноцветными объявлениями о продаже, об отдыхе, об услугах. Тут же красовались и яркие плакаты предвыборной кампании того или иного кандидата и партии. Через неделю должен был состояться день выборов. Подойдя ближе, я заинтересовался, читая про обещания и достижения лиц, смотревших на меня с удивительной честностью и непредвзятостью. Я никогда особо не верил в то, что от выборов есть какой-то толк, но как законопослушный гражданин, конечно же, учувствовал в них. Плакатов было немного, всего три, точнее четыре. Четвёртый я заметил не сразу. Он висел в самом конце, потрепанный ветром, разрисованный маркерами видимо старания местной молодёжи. Впрочем, стоит отметить, что и остальным тоже досталось ничуть не меньше, но в этом было что-то такое, что приковывало взгляд.

– Алексей Павлович Вавилов, – не спеша прочитал я, глядя на стройного подтянутого мужчину.

По его серьёзному взгляду карих глаз можно было предположить, что он скорее относится к военным, нежели к бизнесу. Впрочем, и элегантный чёрный костюм ему шёл ничуть не меньше чем военная форма.

Даже не зная его, можно было почувствовать, что этот человек добивается своих целей и не бросает слов на ветер.

– Да... Хороший он, много людям простым добра делает, – послышалась где-то справа от меня, от чего я даже подпрыгнул и обернулся. Рядом стоял пожилой старичок с белыми, как снег волосами, опираясь на деревянную клюку. За его плечами висел небольшой, но судя по всему полный походный рюкзачок, серого цвета.

«Ещё один купленный» – подумал я недовольно. Вспоминая недавний скандал с директором нескольких компаний Игорем Зарневым¹, который тоже баллотировался на пост губернатора, но был снят, из-за своих афер с подкупом избирателей.

Видимо это так явно отразилось на моём лице, что старичок только усмехнулся и покачал головой.

– Да нет, не расхваливаю я его, а говорю то, что знаю. Знаю я и его, и отца его знал, и даже прадеда. Древний этот род. Со своей историей. Много его предкам пережить пришлось. Его ведь прабабка знатного рода была, а вот прадед из наших, из деревенских. Думаешь как такое возможно? А вот возможно оказывается... Судьбе то оно виднее у кого сердце чище, тому она и помогает. Ты внучок не торопиться?

Я помотал головой. Время у меня пока ещё было, обратно мне всё равно раньше, чем послезавтра не надо, так что могу и задержаться немного. Да и дождь как назло усилился, ехать в такую погоду было совсем не охота.

– Ну... Раз не торопиться, то расскажу я тебе пожалуй всё что знаю, что бы ты не думал что Лёшка наши людей честных за пакет гречки али манки подкупает да заставляет

---

¹ Все имена и фамилии являются вымышленными. Как и названия деревень. Любое реальное совпадение случайно.

небылицы рассказывать. Коль посмотреть потом захочешь, так и дорогу до тех мест опишу. Тут недалеко, часа три всего будет, а на твоей машинке и того быстрее.

Дед помолчал, явно собираясь с духом и думая как начать, а я замер, приготовившись услышать удивительную историю из прошлого.

– Значится было это дааавно... ещё в мирном 1910 году, про революцию тогда и подумать не могли, по крайней мере, простой народ. Что ему? Урожай бы собрать, да скотину вырастить, зиму перезимуем, да и на том спасибо.

Дед говорил тихо, а я всё пытался представить себе далёкое время, которое никогда не знал, а лишь видел на экранах телевизора или на страницах книг....

***

Вечер... Тихое время, солнце близится к закату, а на берегу реки сидят трое мальчишек. У одного из них в руках самодельная толстая удочка из хорошей ивы. Впрочем, сидит он здесь даже не столько ради рыбы, сколько ради хорошей компании.

– Да не будет она клевать. Ветер дует, да тучи вон в стороне Сорловки собираются.

Так глядишь, через пару часов и до нас дойдут, – флегматично зевая, замечает один, поглядывая на дальний берег, где и правда виднеется небольшое, но чёрное облако.

– Ну, нет, так нет, а если и поймаю, то лишним не будет. Хоть ухи на утро сварим, а может и мелочь, какая попадётся, Буську покормлю.

– Буська твой уже и так закормленный. У нас ни одна скотина так не выглядит, как твой кошок и как только в него только влазит столько.

И ведь двигается до сих пор.

– И двигается, И мышей ловит. И даже крыс! Так вот. Так что кормил и буду кормить. Я ж тебя сюда не заставлял с нами идти.

Собеседник лишь хмыкнул, ложась на теплую, нагретую солнечными лучами землю.

– Заморыш, ты то чего притих? – удивился Тимка, глядя на своего второго спутника.

– Думаю я. Отец говорит, что учиться мне надо. В город ехать, только куда? У нас и крыша прохудилась, и забор новый ставить надо. На хозяйство денег нет, а он всё с учёбой своей заладил. Писать, читать обучен, и ладно. Всё равно я никуда из нашей деревни уезжать не собираюсь. Здесь родился. Здесь и жить буду.

– Ну не скажи. Учится, оно всегда полезнее будет. И почёт, и уважение, да и денег куда больше будет.

Вон старики рассказывали, что поместье раньше тоже захудалым было, пока Павел Иванович не выучился, да на родину не вернулся. И вернулся то с наградами, с уважением в обществе

– Ну... То он, а то мы с вами. Им по жизни обученными быть надобно, а у меня другая забота, – лениво отмахнулся мальчишка, сорвав длинную травинку. И покручивая в руках.

– Ат-ты ж! Сорвалась зараза, – в сердцах сплюнул Тимофей глядя на оборванную леску – До чего рыба наглая пошла, и сильная. Ладно уж, пошлите по домам, нечего здесь делать больше.

Смотав удочки и забрав банку с оставшимися червями, подросток направился прочь от реки, а его товарищи последовали за ним.

Гроза ударила ночью, все жители мирно спали в своих домах, и вроде бы ничего особенного не предвещало, если бы не дикий крик, пронзивший ночную, предрассветную тишину.

– ПОЖААААР!!!

Люди выскакивали на улицу, оглядываясь по сторонам. Дом, стоящий на окраине деревни, охватило яркое пламя, которое было видно далеко.

Огонь удалось потушить быстро, всё же пусть и не часто, но и не впервой вспыхивали.

Когда над уставшими людьми взошло солнце, кто-то из мужиков приметил слабый стон, которых исходил от обломков. Люди раскидали завал и обнаружили три тела. Мужчина и женщина были обуглены, не оставалось никаких сомнений в их смерти, но рядом с ними лежал парнишка, лет 11 отроду, которого женщина закрыла собой.

– Спаси и сохрани, Господь души, ушедших безвременно, – со вздохом проговорил мужчина, который обнаружил находку. – Мало прожили, да и сын всего один был, видать грешили много, и на этом род их прерваться должен.

Мужики, стоявшие рядом, сняли шапки, опустив головы. Все молчали, никто не решался произнести хоть слово. Семейю эту в деревне хорошо знали. Умница и красавица Ольга была доброй и чуткой женщиной, никогда в помощи не отказывала, а муж её Степан был мастером на все руки. И пилил, и строгал. Грамоте был обучен, по молодости путешествовал много, а потом осел в деревне, женился. Сын родился, да только на этом и кончилось счастье. Ольга молода была, первые роды оказались тяжёлыми, как потом ни старались, но потом детей уже породить не смогли. Да и этот ребёнок был слабым, если бы не бабка Пелагея, которая считалась лучшей травницей в округе, мог бы и не выжить. Но он выжил, рос любознательным, но добрым и трудолюбивым парнем. Помогал родителям, соседям. Очень любил лошадей, знал о них почти все, что можно только знать. Степан, видя способности сына не раз говорил, что ему нужно учиться. Старался поощрять хорошую учебу, да только Пашке это было не нужно. У него было уже дело, которому он хотел посвятить себя. И это дело было – лошади. Уже сейчас в неполные двенадцать лет он знал о них все. Он мог часами проводить время рядом с этими гордыми и красивыми животными.

Даже самая старая кляча, которая едва волочила ноги казалось ему просто необыкновенной.

– Мужики гляньте, так ведь парнишка то живой! – крикнул вдруг кто-то, внимательно осматривая тело. Все тут же повернулись к нему, и действительно спустя несколько секунд послышался тихий кашель. Не оставалось никаких сомнений, что он действительно жив.

– Давайте вытаскивайте его. Воды принесите срочно! Пелагею позовите кто-нибудь!

Никто даже не успел оглянуться, как возле толпы замелькал довольно шустрый мужчина лет эдак сорока-сорока пяти. Не смотря на низенький рост и полноту тела, он успевал быстро-быстро бегать, отдавая различные указания, возвращаться, говорить что-то ещё и снова исчезать.

Именно таким был староста деревни «Верхние Иволги» – Дорофей Игнатьевич. Помелькав ещё немного туда-сюда, он вновь выглянул вокруг разрушенного дома и наконец, заметил двух мальчишек.

– Тимка, Васька присмотрите тут за ним, как в себя придет, что бы глупостей ни наделал, а я до усадьбы и обратно.

Конечно, кому-то такая просьба могла бы показаться странной. Зачем просить мальчишек, ведь есть взрослые люди, но у всех у них свои дела, они рано или поздно разойдутся, а мальчишки, которые летом целыми днями слоняются на улице, обязательно присмотрят за товарищем. Тем более что с Тимкой их действительно можно было назвать друзьями. Жили мальчишки близко, целыми днями бродили то на речке, то по лесу, а то и просто в поле, где паслись лошади.

Тимофей внимательно слушал о том, что говорит Пашка, хоть и был его старше на целый год.

Отдав последние указания, он ещё раз посмотрел на происходящее и, оседлав старую кобылку, кинулся к поместью Павла Ивановича Вавилова.

До поместья конечно было не очень далеко, можно и пешком дойти, но только подниматься в гору, при его фигуре было не так просто, да и барин должен был сегодня уехать в город, а уезжал он, как правило, рано.

Стоит отметить, что в этих землях никогда особо не измывались над крестьянами. По крайней мере, Вавиловы были теми, кто ценил и уважал труд простого народа. И народ отвечал взаимностью. Павел Иванович Вавилов, был отставным военным. Человеком строгим, но справедливым. Любил порядок во всем и никогда не отказывал в помощи, если конечно он мог чем-то помочь. Тридцать пять назад он вернулся в родные места, после ранения, но о семье не думал. Нужно было поднять то, что было развалено со смертью его родителей. Издавна за Вавиловыми числилось три крупных деревни. «Верхние Иволги» «Сартиха» и «Костени», только без должного ухода все даже самое хорошее пойдет прахом. Лишь через десять лет, когда все пришло в норму, отставной прапорщик мог подумать и о своей семье. Женился он не сразу, хотя в округе и было много молодых, да привлекательных девушек, но он присматривался. Искал ту, что полюбится ему сердцем, благо, что сейчас он мог сам уже выбирать себе жену, не обращая внимания на указы. Так и случилось, ещё лет через пять он встретил ту, которую полюбил всем сердцем.

Елизавета Михайловна была молодой, скромной девушкой, из такого же почти разорившегося рода. Конечно, вряд ли кто-то посчитал бы это удачной партией, но сердцу приказать сложно. Не смотря на разницу в десять лет, они прекрасно понимали друг друга, оба любили музыку, книги. Тем более она обладала очень хорошей смекалкой, которой обладали не все мужчины.

Павел любил и уважал жену. Несколько лет они прожили счастливо в браке.

Было ясно, что вдвоем они действительно могут достичь ещё больших успехов. Но то ли род Вавиловых действительно был проклят, как шептались в деревнях, то ли что-то другое, но родив свою первую и единственную дочь под конец теплой осени, Елизавета не выдержала этого и умерла при родах. Спасти её не смогли. Если бы не дочь, Павел бы наверняка сошел с ума, но этот маленький, крохотный кулечек с яркими голубыми глазами заставил его жить, как только он взял её на руки. Изначально он хотел назвать дочь в честь той, кого любил всю жизнь, но понимал, что она была бы против этого, ведь она сама не раз говорила, что дети не должны повторять судьбу родителей. Немного подумав, он окрестил малышку в честь своей матери – Мария и почти тут же отдал на воспитание Евдокии Степановне. Евдокия была одной из крестьянок, которая еще с младых лет прислуживала в доме. Даже когда вышел указ об отмене крепостного права, семья девушки предпочла остаться здесь. Им не хотелось другой доли, им хотелось приносить пользу тем, кого они знали всю свою жизнь.

У самой же Евдокии было двое братьев и пять сестёр, а поскольку она была старшей, то и опыта в обращении с детьми у неё было достаточно. Взяв на руки хныкающий кулек с новорождённой, она начала напевать тихую колыбельную, укачивая её на руках, и действительно через пару минут девочка уже мирно спала, убаюканная мелодией. Конечно, Павел не полностью бросил дочь, он старался делать для нее все что мог, но все же дел было много и приходилось уходить полностью в работу, чтобы не слишком тосковать по жене, ведь каждый раз глядя на дочь он видел в ней её. Не смотря на приличный для мужчины возраст, он не мог сидеть на месте, находясь в постоянных разъездах. Не редко он уезжал и в Первопрестольную, откуда его не было несколько дней. Вот и сейчас выйдя на крыльцо дома, он осматривал своё подво-

рье, вспоминая, все ли он взял в дорогу. Поездка предстояла быть долгой. Не меньше недели, а то и двух, благо, что особых проблем не было и можно было оставить владения без усиленного присмотра. Впрочем, с тем, что проблем не было он, пожалуй, поторопился. Это стало ясно, когда к поместью запыхавшись, подбежал староста Иволог, спешиваясь с коня. Видимо Дорофей всё же сильно нервничал, а потому и дыхание было тяжёлым.

Конечно, он был здесь не таким редким гостем, да и появлялся не всегда с плохими новостями, но если на лице Дорофея была бледность, что вряд ли новость могла быть хорошей. Однако торопить он его не собирался, давая возможность отдышаться. А за одним вспоминая, что могло случиться.

Ведь вполне возможно, что в заботах, он мог и упустить что-то важное.

Память иногда подводила.

– Павел Иванович, проблема у нас... – кое-как отдышавшись, проговорил староста – Дом Степана Савельевича сгорел. Молния попала. Вместе они с Ольгой погибли, только Пашка один выжил, хоть и состояние тяжелое. С ним сейчас Пелагея быть должна.

Дом мы отстроим, конечно, но ведь надо как-то помочь парнишке, – закончив свою речь, староста посмотрел на помещика, ожидая ответа, однако Павел молчал. Он очень хорошо знал эту семью. Со Степаном они были погодки, общались ещё с давних пор. И хотя родители Павла относились не слишком лояльно к подобной «дружбе», но все же юному барину было куда интереснее бегать с обычными мальчишками, чем со сверстниками, которых впрочем, в этих местах было и не так много.

Он знал, что когда-нибудь все это перейдет к нему и считал, что хороший барин должен знать, чем живет его народ. Он не боялся трудностей или неодобрений, считая, что будет поступать так, как велит ему честь и совесть. Однако прошло время и детские игры стали постепенно забываться. Павел поступил в Николаевскую военно-техническую академию и уехал из родных мест. Появлялся он не часто, да и ненадолго. В основном запираясь у себя в комнате и проводя время с научными книгами. Впрочем, однажды судьба распорядилась иначе. Возвращаясь летом в родные края, юный кадет проезжал с другого берега реки Иловки и заметил тонущего паренька, примерно его возраста, который, не смотря на отчаянное сопротивление, не мог справиться с быстрой рекой, и выплыть на берег. Было видно, что с каждой попыткой, силы покидают его все быстрее.

Раздумывать было некогда. Павел соскочил с коня и бросился в воду. Молодой, натренированный организм юноши оказался лучше, чем у его ровесника. Быстро доплыв до места, он подцепил теряющего сознания паренька и, поплыв в противоположную сторону, выбрался на соседний берег. Уже там убедившись, что ему ничего не угрожает, он, подождав немного, переплыл обратно и, вскочив на коня, отправился к себе, не дожидаясь пока спасенный очнется. Ему не нужна была слава, не нужна была благодарность или сплетни, которые резво разносились по округе. Неизвестно даже как отреагировали бы его родители на такую новость. Поэтому и рисковать лишний раз не стоило. Он даже не был уверен, что его спасенный запомнит, кому он обязан жизнью, ведь когда его подхватили, он уже был без сознания. Но Степан запомнил, очень хорошо запомнил.

Да он был без сознания, но когда очнулся, то увидел лишь спину, переплывающего, который среди деревенских жителей выделялся хорошей офицерской выправкой и необычным способом плавания. До этого он никогда не видел такой.

Повертев головой, мальчишка услышал и призывное конское ржание, раздающееся на соседнем берегу. Это был статный, черный конь, явно из барских конюшен. Такой холести не было у обычных крестьянских коней. Доплыв до берега, спаситель вскочил на коня

и помчался в сторону Иволг, за которыми как раз и находилось поместье Вавиловых. Полежав ещё немного, и уняв головокружение, Степан встал и не спеша направился к дому. Он решил никому не рассказывать о случившемся, испугался, что могут быть неприятности и не только для него, однако твердо решил не забывать этот поступок. Прошло время, Степан вырос, женился, долгое время у него не было детей, но вот однажды судьба все же сжалилась над ним, подарив единственного сына, которого он назвал Павлом. В деревне не редко шептались о причине такого имени, и она была совсем не далека от истины, но все же истинную правду знали лишь двое.

Павел прикрыл глаза, вспоминая тот период своей молодости. Они и потом не раз виделись со Степаном, который стал хорошим мастером своего дела, но все же пропасть, которая разделяла их, была куда глубже, чем чувства благодарности или какой-то детской дружбы.

– Так... Что с Пашкой то делать? – вывел его из задумчивости вопрос Дорофея Игнатьевича, который так и не дождался ответа и решил все же уточнить

– Пусть ко мне идет, как в состоянии будет. Он вроде с лошадьми умеет обращаться. Вот и будет подмога Федору. Все одно лучше Яшки. Пока дом заново не отстроим, будет жить здесь. Ну а там... А там посмотрим.

– Как прикажете, барин, – облегченно вздохнул Дорофей, вскакивая на свою старую пегую кобылку и отправляясь в деревню. По его разумению за это время Пашка уже должен был прийти в себя. Может быть, сейчас он и не в состоянии будет, но ведь передать слова Павла Ивановича ему было просто необходимо.

Добравшись до разрушенного дома, он огляделся Пашки, и мальчишек рядом уже не было, а завал потихоньку разбирали. Немного подумав, он отправился на другой конец деревни, где стоял дом Федора Красина, который был ещё и зятем Пелагеи Никифоровны.

Остановившись у старого, но добротного дома, он открыл калитку и, подойдя, толкнул дверь в дом. Знал, что дом запирается лишь на ночь, брать у Красиных было нечего, а дома если кто и был, то сама Пелагея. Федор с утра до ночи пропадал на барском подворье, неся службу конюха, а его младший сын Яшка почти всегда был при нем. Старшие то давно уже своими семьями жили. Кто здесь, кто в соседних деревнях, а кто пошустрее и в город подался. Скрипнув дверью, он прошел в чистую, уютную комнату, но и там не было никого. Постояв, он уже собирался уходить, как услышал за спиной шаги. Овернувшись, он увидел Пелагею.

Это была небольшого роста женщина, с морщинами на лице и седыми короткими волосами. От неё всегда пахло разными травами, настойками, но одежда была чистой и опрятной.

– Доброго дня Вам, Пелагея Никифоровна, – с вежливой улыбкой проговорил староста – А где пациент ваш? Я его признать тут чаял застать.

– Да напоила я его отваром, раны какие были, обработала, да и отпустила. Все одно на свежем воздухе ему сейчас лучше чем в доме. Природа она лечит лучше, чем узкие стены. Вы Дорофей Игнатьевич его на реке поищите, вроде как туда они с Тимкой отправились, хотя и на поле могли заглянуть. Любимое дело оно тоже полезным считается.

Староста кивал, слушая её и соглашаясь почти с каждым словом, лишь, когда она закончила и присела в уголке, взяв в руки клубок и спицы, то пожелал ей доброго здоровья и вышел за дверь, отправляясь к реке. На этот раз ему повезло, трое мальчишек были действительно там, хотя Пашка в отличие от товарищей лежал на берегу, молча глядя в небо, на проплывающие белоснежные облака. Казалось, что он не видел ничего кроме них. Он не реагировал не веселые крики друзей, на пение птиц, даже когда Дорофей подошел и легонько потряс его за плечо, подросток не отреагировал. Лишь после более сильного толчка он все же повернул голову и посмотрел на старосту.

– Ты как? Ходить можешь? – с некой заботой и теплотой в голосе поинтересовался Дорофей и, получив утвердительный кивок продолжил.

– Пошли тогда, Павел Иванович велел тебя привезти, сказал, что ты пока у него поживешь, пока дом ваш заново не отстроим. Будешь Федору Кузьмичу помогать, лошадей ведь ты любишь, и они к тебе тянуться, не то, что к Яшке, который, наверное, давно бы все забросил, будь на это его воля.

Пашка никак не отреагировал, он лишь молча встал и поплелся в сторону дороги.

– Стой ты! Куда собрался? – окликнул его мужчина – Давай-ка садись на Маруську.

Она хоть и старушка, но все же ещё крепкая, уж довезет как-нибудь. Все лучше, чем пешком по жаре топать.

Дорофей подошел к кобыле, взяв её под уздцы и дожидаясь пока Пашка примостится позади, погнал к поместью. Ему хотелось успеть до того момента, как Павел Иванович все же покинет эти места. Приехав, он прошел в дом, и, проведя за собой мальчика, постучался в крепкую дубовую дверь, которая вела в кабинет барина. Получив разрешения войти, он подтолкнул туда юнца и вошел следом. Убедившись в том, что все сделано как надо, он распрощался и вышел. Дел было еще много, и до полудня нужно было успеть сделать хотя бы половину. О чем говорили в кабинете, он не знал, да и не слишком хотел, своих забот всегда хватало. Когда через полчаса Пашка вышел оттуда, старосты уже не было. Находясь все ещё в таком же безразличном состоянии, он отправился вниз к конюшням, где должен был ждать Федор. Спустившись вниз, он открыл дверь и неожиданно столкнулся с кем-то.

– Ой... Извините...-пробормотал Павел – Я нечаянно.

Необходимость посмотреть с кем же он все-таки столкнулся, заставила его оторвать глаза от пола. Подняв взгляд, он почувствовал ещё большее неловкое смущение. Перед ним стояла девочка, примерно его возраста, может чуть младше в красивом голубом платье и букетом обычных полевых цветов, который от неожиданного столкновения разлетелся по полу, а так же какой-то книжкой в руке.

– Я....Вы... Вы не ушиблись? – уточнил он, не зная как можно загладить вину за свою неловкость и мысленно ругая себя и свою неудачную жизнь.

Однако девочка явно не собиралась ругаться.

Для нее встреча тоже была шоком, ведь впервые за долгое время она так близко видела кого-то из своих сверстников. Она почти никуда не выходила одна из дома, а Яшка, который часто проводил дни на конюшне рядом с отцом, был старше её года на два и посматривал на окружающих с таким взглядом, что желание общаться пропадало. Девочка была и напугана и заинтересована одновременно. Конечно, внешний вид собеседника оставлял желать лучшего, но все же вежливость как её учили, должна была быть на первом месте.

– Нет. Все хорошо. Не волнуйтесь, – мило улыбаясь, проговорила она, видимо от смущения называя незнакомого человека на Вы, хоть он и был явно не равного с ней статуса, а затем нагнулась, что бы собрать цветы.

Пашка тоже наклонился, помогая ей в этом деле, и когда последний цветок был собран в букет, он протянул ей собранную часть.

– Спасибо, – так же вежливо проговорила она, принимая букет – Вы извините, мне идти надо, а то папенька ругаться будет, – проговорила она, смущаясь и отходя немного в сторону, быстро убежала на второй этаж, словно её и не было совсем. На какое-то мгновение Павлу даже показалось это сном, но уставившись в пол, он обнаружил там несколько опавших лепестков, что говорило о реальности происходящего. Подобрав их и крепко сжав в руке, он поспешил на конюшню. Наступала новая жизнь, которая сейчас уже не казалось ему такой ужасной, и расставаться с ней он хотел все меньше и меньше.

Глава 1

Сказать, что я был заинтересован, значит, нечего не сказать. Я даже толком не мог описать то, какие чувства вызывал этот рассказ. Удивление, радость. Любопытство. И всё-таки пока ещё я совсем не верил в то, что такая красивая девочка, а потом конечно и девушка, сможет выйти замуж за простого крестьянина. И даже если и сможет, то будет ли она его любить? А как отнесётся к этому замужеству её отец, неужели не будет против?

Все эти вопросы не давали мне покоя, и я с нетерпением ждал на них ответы, продолжая слушать рассказ старика.

***

Солнечное утро и теплое утро, не совсем обычное для этих мест в конце октября. Где-то раздаются голоса ребятишек, которые идут на реку. Купаться в ней конечно уже нельзя, но рыбу ловить можно. Да и что ещё делать в выходной день, кроме как отдыхать и расслабляться, ведь впереди снова ждет трудная рабочая неделя. Впрочем, у взрослых и в выходные дел всегда хватает. Но иногда люди забывают обо всех делах, если видят что-то важное. Вот и сейчас Пашка молча стоял у входа в конюшню, с охапкой сена, совершенно забыв, куда он шел, а причиной тому была гуляющая неподалеку по саду дочка помещика. Прошло 7 лет со дня их первой встречи, а он все так же замирал, когда видел её. Вдали, вблизи, не важно. Главное что для него было счастьем видеть её каждый день. Из робкой, застенчивой девочки с растрепанной косичкой, она превратилась в высокую, стройную девушку с длинными, белыми, кудрявыми волосами, которые свисали чуть ниже плеч. А в её светло голубых глазах можно было утонуть, как в холодной, прозрачной реке.

Конечно, умом он понимал все: и то, что у него нет шансов, и то, что скоро на её день рождение съедется вся округа, где будут молодые, знатные парни, не чета ему и то, что, несмотря на довольно строптивый характер, она рано или поздно найдет своего суженного.

Умом он это понимал, но сердцем... Ему нельзя было ни приказать, ни объяснить. Оно само начинало биться чаще, когда девушка проходила рядом, и замирало от одного её слова или взгляда.

– Всё мечтаешь? – раздался рядом резкий голос Яшки, наблюдающего на убивающегося из-за неразделенной любви друга.

Повернув голову, он посмотрел в сторону сада и хмыкнул. Конечно, он уже не раз говорил это, но то ли ему нравилось напоминать об этом, то ли просто заняться было не чем, но, все же помолчав, он продолжил:

– Зря, не пара ты ей.

– Сам знаю, – вздохнул Пашка, вырвавшись ненадолго из задумчивого состояния. – Но правду старики говорят – сердцу не прикажешь.

Он искренне любил эту девушку, но понимал, что будущего с ней у него нет. Разное положение, разные интересы, разное. Да много всего.

Слишком уж большая разница в статусе. Был бы он хотя бы успешным купцом, или знаменитым мастером. Тогда ещё можно было бы попытаться, а так...

У него ничего нет за душой. Ни денег, ни планов на будущее, ничего.

Разве что прожить всю жизнь здесь, возможно и женится со временем, обрести семьёй, домой.

От этих мыслей становилось ещё более тоскливо.

– Сердцу нет, а человеку вполне можно, – словно рассуждая сам с собой, спокойно отозвался Яшка, который явно знал куда больше чем остальные. В последнее время он часто пропадал неизвестно где целыми днями. Поговаривали, что его видели с какими-то незнакомыми людьми, которых раньше в деревнях не было. Но что это за люди и чем они занимаются, никто не знал. Догадки были, но сказать с точной уверенностью было нельзя.

– Ты это о чём? – недоуменно спросил Пашка, вновь отвлекаясь от объекта обожания и наблюдения и глядя на друга.

– Жизнь не стоит на месте, она меняется и когда-нибудь изменится и наша, – мечтательно проговорил Яшка. – Придет время, когда хозяевами всего будем лишь мы. Свободные люди, которые будут жить лишь для себя. А если кто и останется ...то уже не они нам, а мы им волю диктовать будем. В свои двадцать лет, он был яростным противником всего старого. И хотя в стране уже не было власти монархии, а было временное правительство, ему всё равно хотелось большего.

Ему хотелось, что бы дворян вообще не существовало, так как он считал их не только пережитком прошлого, но и явственным лишним грузом, на пути к свободной и счастливой жизни.

Несмотря на свой возраст, он до сих пор жил с отцом, так как Фёдор и слышать не хотел о том, что бы отпустить куда-то младшего сына. Война 1915 года, которая забирала многих молодых парней, не тронула его совсем. Почему? Он и сам не знал, но считал, что у него есть другое, высшее предназначение. Вот и сейчас он думал об этом и о том, что рано или поздно он всё равно сбежит из ненавистного дома и осточертевшей деревни, которая казалось ему хуже ссылки.

Продолжая рассуждать о свободе и лучшей жизни, в черных как уголь глазах Яшки мелькнул яркий блеск. Фанатичный, даже немного безумный.

– Какую волю?! – искренне возмутился Пашка, даже не дослушав.

Его возмущали подобные речи.

Да он, конечно, не отказался бы от свободной, вольной жизни, о том, что все люди были бы равны друг другу, но уничтожать старое он бы категорически против. В конце концов, никто же не виноват, что они родились в крестьянской, а не дворянской семье. Не все же дворяне были настолько плохи. Тем более что Вавиловых всегда уважали, и не только он, а все деревни, находящиеся под их управлением.

– Павел Иванович к нам как к сыновьям относится, а ты...

– Ну-ну... – хмыкнул Яшка, показывая этим коротким ответом свою нелюбовь к Марии и ее отцу.

И явно не желая продолжать, но Пашку уже было не остановить.

– Тем более такой ценой она мне не нужна! – добавил он, после презрительного ответа, действуя сейчас больше на эмоциях.

Он ещё точно не знал, какой будет эта цена, но в глубине души понимал, что вряд ли в ней будет что-то хорошее.

– А такой она твоей не будет, – раздраженно проговорил Яков и, забрав из рук мечтающего товарища сено, отправился в конюшню. В конце концов, работу действительно никто не отменял. Да и скоро отец должен был вернуться, а он крайне негативно относился к лени и ругаться ещё и с ним совсем не хотелось.

«Ничего. Только бы продержаться ещё немного» – подумал он, обходя лошадей и подкладывая им сена. Он знал, что совсем скоро его жизнь, как и жизнь всех людей, изменится и, конечно же, изменится только к лучшему.

– Ты бы хоть воды из колодца принес, раз все равно там торчишь! – крикнул он Пашке, надеясь что тот его услышит. Конечно, он знал, что колодец находится близко к саду, и шансы дожидаться оттуда несчастного влюбленного ещё меньше, но хотя бы тут он не будет стоять так просто и мозолить глаза своим бездельем.

Пашка ничего не ответил, хотя и слышал. Он лишь молча направился к колодцу, заметив, как из дома выходит Евдокия Степановна. И хотя Мария, которой через неделю исполнялось 18 лет, уже не нуждалась особо в няньках, но женщина все так же продолжала находиться рядом с ней, словно оберегая от проблем и забот.

– Машенька, где ж ты, солнышко? – приятный старческий голос, донесся до Пашки, который был уже совсем рядом с колодцем.

Наконец обнаружив воспитанницу, Евдокия мягко подошла к ней, глядя на девушку своим мудрым, проницательным взглядом.

– Всё о принце мечтаешь, дитяtko? Так, где же взять то его? – вздохнула она.

Она как никто другой знала характер девушки, знала, что та слишком уж разборчива в выборе будущего супруга. Сколько их здесь уже было то ли десять, то ли двадцать. Она уже и сама сбилась со счета. И беднее и богаче, и старые и молодые. Но ни один из них был не по вкусу молодой барышне, которая словно ждала чего-то необыкновенного, чуда, принца из сказки. Только жизнь она хоть и ярче бывает, да не такой счастливой.

– Не знаю... – спокойно ответила девушка, откладывая в сторону книгу – А знала бы, давно с ним встретилась. Значит, судьба его пока от меня отводит, но как только время придет, он обязательно появится.

– Время-время... А коли так и не появится это время? Что ж всю жизнь одной одинёшенькой жить, – продолжала горестно сетовать нянюшка, мечтающая все же дожить до той светлой поры, когда ее воспитанница, которую она помнит и любит с пеленок, наконец, сыграет достойную свадьбу.

Подобные разговоры могли продолжаться долго, только к особым результатам они не приводили.

– Придет, обязательно придет, я знаю это! – чуть улыбаясь, проговорила Мария, вставая и чуть обнимая пожилую женщину.

Евдокия была с ней с самого рождения, заменила ей мать и Маша просто не могла относиться к ней как-то по-другому. Несмотря на статус в обществе для неё она была близким и родным человеком, как и все те, кого она знала с самого рождения. Именно поэтому ей не хотелось спорить, и она предпочла свернуть разговор в другое русло.

– Помню, нянюшка. Пойду я в дом, а то батюшка скоро приедет, искать будет. Сказала девушка и поспешила удалиться, в сторону дома, не замечая ничего вокруг себя. Лишь когда она скрылась из виду в поместье, Пашка смог вспомнить о деле и, взяв два ведра воды, отправился обратно.

Вечером того же дня, после долгожданной встречи, Мария ушла побродить по двору перед сном. Она любила бывать на свежем воздухе. Почему-то ей здесь было куда спокойнее, чем в доме, где по её мнению всегда было много шума, хотя на самом деле это было далеко не так. Пройдясь по саду, она свернула в конюшню, из которой приглушённо горел свет.

Она зашла в конюшню и с удовольствием наблюдала за их лошадьми. И хотя их было уже меньше, чем раньше, но всех их она знала с детства и очень любила. Здесь была и её любимица, пегая кобылка по кличке Анхель, и потомок вороного коня по кличке Вакант, того самого,

на котором, когда-то ездил молодой барин. Когда девушке было тяжело, она всегда приходила сюда, общаясь со своими любимыми питомцами, которых издавна приручила своей любовью и лаской, и лошади ее не боялись.

Даже сами подходили к ней, ласково фыркая и облизывая руку, в надежде на какое-нибудь угощение. Подойдя к Анхель, Мария потрепала подругу по рыжей холке, а потом прислонилась к ней, обхватив голову своими руками. Она сама не могла объяснить, что именно её тревожило в последнее время. То ли то, что страна катится неизвестно куда, то ли то, что здоровье её отца с каждым днем становилось всё хуже, то ли то, что так и не могла найти достойного и любимого сердцу жениха. Она так погрузилась в свои мысли, что даже не сразу отреагировала на вопрос, прозвучавший рядом с ней.

– Грустите, Мария Павловна? – спросил Пашка, подходя с мешком овса. В это время он обычно давал лошадям вечернюю дозу еды. Ни Яшки, ни Фёдора уже не было в конюшне, и сейчас они могли спокойно побыть вдвоём, мило беседуя о чем-нибудь. Хоть о тех же лошадях. Честно говоря, Марию иногда злило подобное обращение к себе, от человека с которым она провела всё своё детство, и который стал ей чем-то вроде старшего брата, но она понимала, что так будет правильнее. Скорее всего, но сейчас когда они были одни, её неожиданно разозлило это «рабское» поведение и она отодвинувшись от лошади, посмотрела на Павла.

– Издеваешься? – обиделась она, стараясь принять как можно более оскорблённый вид. Однако Пашку было тяжело смутить или обидеть, тем более, когда он находился так близко с объектом своего обожания, тем не менее, он всё же высыпал в сторонку сена и попытался оправдаться. Или извинится, а ещё лучше всё сразу.

– Ну, я же с уважением... – проговорил он, надеясь, что это хоть как-то смягчит девушку, ведь он и правда не хотел её обидеть.

– Нужно оно мне. Иди и выскажи его моему отцу, – всё ещё немного дуюсь, проговорила Мария не желая смотреть на него, а продолжая наблюдать за лошадками.

– А он не обидится? – задумчиво поинтересовался Пашка, взглянув Маше в глаза.

Он прекрасно знал, что хоть старший Вавилов и был приверженцем старых традиций, но считал, что уважение должно быть в душе. Его не стоит выставлять напоказ перед всеми. Иначе это не уважение к человеку, а лишь желание показать себя. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, а затем рассмеялись, поняв смысл их беседы и некоторую комичность ситуации. Это помогло немного уйти от напряженности, витающей в воздухе.

– Помочь? – спросила Мария, подходя вместе с Пашкой к третьей кормушке.

Она не боялась физического труда, да и разве можно считать трудом уход за такими милыми существами.

– Да нет, спасибо, я сам, – отозвался молодой человек, желая оградить ее от работы. Он был счастлив делать все сам, а то, что она просто стояла рядом, было уже счастьем.

– Думаешь, я не справлюсь? – вновь чуть обиженным тоном, проговорила Мария, понимая, что её вежливо отстраняют от интересного дела, не давая принять участие в судьбе своих же лошадок.

– Справишься, но давай ты не будешь лишать меня удовольствия в жизни, – попросил Пашка, неосознанно переходя на «ты» и продолжая делать свою работу с таким видом, словно занимался чем-то необыкновенным. Впрочем, девушке это даже нравилось, она была ничуть не против такого обращения. Ведь об этом всё равно никто не узнает, да и настроение было хорошим. Поэтому она решила не спорить с ним.

– Ладно, так и быть, занимайся сегодня сам. Она протянула руку, что бы погладить небольшую белую лошадку, последнюю, которая стояла в стойле, не замечая, как в это же время Павел поднёс последнюю охапку с сеном. Их руки на мгновение соприкоснулись друг с другом, а взгляды вновь встретились, заставив ее смутиться от чего-то, как и в день первой встречи, семь лет назад.

Простояв так пару минут, Мария всё же первая отвела глаза, и что-то быстро пробормотав о том, что уже поздно и лошадам пора отдыхать выбежала из конюшни, оставив Павла одного, который всё так же продолжал смотреть ей вслед.

– Эх... – устало вздохнул он, наконец накормив лошадку и подойдя поближе к выходу из конюшни, что бы можно было рассмотреть, как на втором этаже барской усадьбы, загорается малый огонёк, в одной из комнат.– И за что же я вас так люблю, Мария Павловна?

Поскольку виновницы вздохов не было рядом, то ответа на свой немой вопрос он так и не услышал, а может даже если бы она и была рядом, то не желал услышать.

Постояв ещё немного, он отправился в дом, в одну из комнат на первом этаже. Которая была его домом. Конечно, он мог бы вернуться в свой дом, или жить где-то в конюшне, но первое он сам не хотел, слишком много дурных воспоминаний и тоска по родителям душили его, а о втором не хотел слушать ничего Павел Иванович, утверждая, что спать на полу, своему лучшему конюху он попросту не позволит. Вот простынет он, заболит, и что? Кто за лошадьми ухаживать будет? И мало того что ухаживать будет некому. Так ещё и все остальные следом зарезаться, поэтому спать он обязан или у себя, как это делал Фёдор, или в доме. И никаких других вариантов.

Прошла ночь, наступило утро. То ли ночи уже были слишком холодные, то ли ещё что, но наутро когда заорали петухи, оповещая о начале нового дня, Пашка проснулся с большой головой и н температурой. Евдокия лишь качала головой, принесла ему горячий чай с мёдом. Она искренне жалела этого паренька и относилась к нему как к сыну. О том, что бы взять его в город, не было и речи, хотя именно сегодня они должны были отправляться на закупку новой сбруи некоторым лошадям, а так же некоторых материалов, необходимых в хозяйстве, но и ехать было необходимо. Эту поездку и так уже откладывали несколько раз, надеясь, что успеют потом, но потом всё не наступало. Сейчас Павел Иванович Вавилов стоял у дверей дома, раздумывая над тем, стоит ли брать с собой дочь. С одной стороны Маша не любила подобные поездки, они утомляли её, но с другой стороны и оставлять её здесь, наедине с больным тоже не хотелось.

А ведь она наверняка пойдёт к нему, как только тройка лошадей скроется за воротами.

Даже Евдокия за ней уследить не сможет, да и запретить тоже. Девушка имела вполне самостоятельный и упрямый характер. Немного подумав, он всё же принял решение оставить дочь дома и направился к конюшне. Ни Фёдора, ни его любимой тройки уже не было, зато подходя, он почувствовал неприятный запах дыма. Несмотря на прошедшую войну, стрессы, и многие проблемы сам он никогда не курил и крайне негативно относился к курильщикам, стараясь не допускать этого, по крайней мере, на территории своего имения. В своё время, это даже дало определённые результаты, но видимо всё в жизни не вечно. Вот и сейчас подходя сбоку, он заметил мирно стоящего Яшку, который докуривал обычную самокрутку. Неизвестно где и от кого младший Красин в своё время пристрастился к этой пагубной привычке, но отучить его было просто невозможно. Лет семь-восемь назад он впервые словил паренька за старыми постройками, которые позже пошли под снос и на их месте были выстроены новые. Тогда он выхватил у него тлеющую трубку с неприятным запахом и отправил к отцу. Однако ни просьбы, ни угрозы, ни строгое наказание не могло избавить юношу от этой пагубной привычки. Потом уже сам Фёдор пару раз ловил сына за этим занятием, но всё было бесполезно. Проходила пара месяцев, и он вновь принимался за старое.

Вот и сейчас то ли от утопания в своих мечтах о светлом будущем, то ли от ощущения полной безнаказанности Яшка продолжал пускать дым, не замечая ничего вокруг, особенно того что делалось у него за спиной.

Поэтому строгий резкий голос, заставил его подпрыгнуть и едва не поперхнуться самодельной сигаретой.

– Опять травишься, засранец? Хочешь, как Пашка слечь и валяться с температурой?

Вообще-то у Пашки была ангина, но это было не так уж важно.

А важно то, что искреннее возмущение продолжало литься потоком, на уже докурившего юношу, который молчал, из последних сил сдерживаясь, что бы не высказать этому старому, зарвавшемуся и явно зажившемуся на свете старику всё что он о нём думает. Нет, он мог бы это сделать, и сделал бы с удовольствием, ведь его он совсем не боялся, но зато боялся отца. Да Фёдор тоже уже был не молод, но достаточно крепкий и физически развитый, сизмальства приученный к тяжёлой работе, а потому даже сейчас он бы легко справился со своим двадцатилетним отпрыском.

– Молчишь? Вот и правильно, молчи, а ещё лучше дай сюда всё что есть.

После небольшой паузы Яшка был вынужден достать из внутреннего кармана и высыпать в руки Павла Ивановича ещё несколько самодельных трубочек, которые он готовил заранее, чтобы не тратить время после. И сейчас он с искренней ненавистью наблюдал, как его труды разламываются один за другим и вытряхиваются на землю.

– И что бы больше я тебя с этой гадостью никогда не видел! Собирайся, отец уже заждался! – тоном военного офицера, проговорил помещик, разворачиваясь и отправляясь к воротам, где действительно уже слышалось похрапывание лошадей и редкий звон колокольчиков на сбруе. Если бы он тогда догадался обернуться. То, наверное, увидел бы недовольно скорченную вслед рожу и тихое бормотание проклятий в свой адрес, но ему было совсем не до этого.

«Ладно, недолго тебе уже осталось, максимум год, а то и меньше» – хмуро подумал Яшка, отправляясь следом, стараясь не смотреть на то место, где оставались остатки бумаги и табака. Это были его последние запасы, а новые дай бог будут дня через три, когда он вновь увидится со своими друзьями из города. А то и позднее. Дойдя до повозки. Он пристроился рядом с отцом, и минут через пять тройка коней уже бодро выбежала вперёд, уносясь по направлению к славному городу Ярославлю.

День прошёл без особых проблем, и все, сделав, они вернулись домой, даже на пару часов раньше.

Пашка чувствовал себя уже куда лучше. Температура, конечно, ещё была, и горло першило, но всё же сил было больше чем утром. Маша же и правду несколько раз заходила к нему, но ближе к вечеру предпочла вернуться к себе, делая вид послушной и примерной дочери. Ей совсем не хотелось расстраивать отца, тем более что он очень любил свою дочь и делал все, что бы она была счастлива. Спустя три дня Пашка окончательно поправился и смог вновь заняться своим любимым делом, правда, теперь ему приходилось заниматься им куда больше, так как Яков пропал. Утром он ещё раньше отца вышел из дома, но до поместья так и не дошёл. Ни Фёдор, ни посланный на поиски отряд так и не смогли найти хотя бы каких-то следов. Оставалось лишь надеяться и ждать, ждать того что он сам вернётся в родной дом, ведь с собой у него не было ничего. Ни денег, ни еды, ни каких-либо других вещей.

Не смотря на это, жизнь продолжалась и все были заняты своими делами, даже не догадываясь о том, что через несколько дней, словно гром среди ясного неба, прозвучит выстрел, который изменит всю их жизнь.

Глава 2

– Выстрел? Какой выстрел? – искренне изумился я. Нет определённые мысли, конечно, были, но очень уж хотелось узнать правду. Дедок усмехнулся, не спеша, доставая из кармана потрёпанную пачку сигарет и не чиркнув зажигалкой, не спеша закурил.

– А не торопись. Сейчас по порядку всё расскажу. Докурив сигарету, он выкинул истлевший бычок в стоящую рядом урну и продолжил

***

Прошла ещё неделя. Наступил долгожданный день рождения. Восемнадцать годочков, вступление в самостоятельную, взрослую жизнь.

Павел Иванович был несказанно счастлив. Счастлив от того, что смог дожить до дня рождения своей единственной дочери. Здоровье то было уже не то, пошаливало всё чаще и чаще. А тут ещё и Фёдор ходил весь на нервах, за сына переживал. Так ходил, что один раз даже плохо ему стало. Вызванная Пелагея быстро осмотрела и сказала, что в город надо везти. Там как раз сын его старший жил Михаил. Пашка, быстро погрузил его в небольшие сани, и вместе с Пелагеей отвёз до города.

Вернулся он как раз ко дню рожденья. Даже небольшой подарок успел купить. Это был небольшой кулон, самый дешёвый, который можно было достать, но ведь главное это не цена подарка, а его ценность. Конечно, он понимал, что не сможет подарить его при всех, поэтому с нетерпением ждал вечера, надеясь на то, что после шумных гостей Мария всё же вновь выйдет к лошадам, что бы немного побыть с ними.

Упаковав подарок в небольшую коробку, он сунул его в карман и потом несколько раз проверял на месте ли он. Но к счастью кулон всегда был на месте, и выпадать явно не собирался.

Поставив лошадей на место, Пашка насыпал им корма и на секунду задумался о том, что будет дальше. Ну, подарит он ей этот подарок, ну скажет она спасибо и что? Как бы там ни было они совершенно разные. От раздумий Пашку отвлёк скрип половиц и тихая ругань, а обернувшись, он увидел Яшку. Пару минут оба молча смотрели друг на друга. Сейчас Яков был совсем не похож на себя. На нём была новая, тёплая шинель коричневого цвета, начищенные до блеска сапоги, а его короткие, прямые волосы скрывались под кожаным картузом, хотя до этого он принципиально отказывался носить какой-либо головной убор.

За его спиной висела винтовка, хотя судя по всему, он ей не очень то и собирался пользоваться. Скорее она была больше устрашающим фактором. Зато Наган, прикреплённый на пояс, был явно не для красоты или устрашения, а вполне мог оказаться действенным оружием.

Пару секунд Пашке понадобилось, что бы понять, что происходит, но сделать он ничего не смог. Мощный удар, сбил его с ног, приложив о дверной косяк, а на пол побежали первые капли крови. Яков понимал, что, не смотря на бедственное, как ему казалось положение, его друг до последнего будет защищать то, что давно следует уничтожить. Он не мог его понять, не мог смириться с тем, что неизбежно, и что, несомненно, было бы лучшим, но, несмотря на это убивать его не хотелось.

– Полежи пока тут, потом ты мне ещё спасибо скажешь, – тихо усмехнулся молодой человек, выходя из конюшни, и отправляясь на задний двор, к ветхому забору, который давно пара было сносить и ставить новый, только руки не доходили. Там его уже ждал небольшой отряд из четырёх человек, вооружённых такими же винтовками. Обогнув дом, они вошли с главного

входа, как раз в момент торжества, когда Павел Иванович Вавилов встал, что бы произнести тост за здоровье своей дочери и пожелать ей только лучшего в этой жизни.

От удивления глядя на распахнутую дверь он даже забыл о том, что хотел сказать, а гости сидели, словно прикованные на своих местах, боясь, пошевелится. Все понимали, что вооружённый отряд нельзя назвать радостным событием и думать о том, что они пришли поздравить, было бы крайне глупо.

– Вот и кончилось ваше время, теперь мы хозяева этих земель, этой жизни и нашего будущего, – улыбаясь, начал Яков, наводя дуло своего верного и любимого Нагана на бывшего хозяина дома, который видимо до сих пор не мог поверить в происходящее. Вообще изначально никто убивать никого не планировалось, лишь припугнуть и поставить перед фактом, но всё пошло по-другому.

В строгих карих глазах, бывшего офицера Российской Империи мелькнул яростный блеск и, развернувшись, он двинулся к ним. Умом он понимал, что вряд ли сможет справиться со всеми, но хотя бы стереть самодовольную улыбку с лица этого нахала, он смог бы. А Яшка... Он ненавидел не только этот дом, эту деревню, эту жизнь, но почти так же сильно в глубине души боялся хозяина этих владений. Он всеми силами старался скрыть дрожь, которая пробирала его тело, но не смог. И когда Павел Иванович был рядом, рука словно бы сама, дрогнула, спуская натянутый курок. Отменным стрелком он никогда не был. Пуля прошла выше, врезавшись в правое плечо, заставляя вскрикнуть от боли и выпустить на пол хрустальный бокал, который он до сих пор держал в руке. Прекрасное вино, разлилось по полу, смешиваясь с алыми каплями крови, проступающими через ткань. Этот выстрел и этот вскрик заставил присутствующих встрепенуться. Мария первая подлетела к отцу, испуганно глядя ему в глаза и дотрагиваясь рукой до кровоточащей раны. В глазах девушки стояли слёзы, слёзы смешанные с ненавистью. Она искренне не могла понять, за что они поступают так с ними. Чем они провинились перед этими людьми, которых видели в первый раз в жизни.

Сами же нападавшие, если их можно было так назвать, тоже замерли. Они не ожидали такого поворота событий. Нет, все они были полны мечтами и надеждами, все они верили в светлое будущее, стремясь построить его, после очищения от старой грязи, но так близко кровь и страдания они видели впервые. Но то, что произошло дальше, стало ещё более неожиданным.

Боль в плече стала немного утихать и, собрав все силы, которые ещё были в теле, Павел оттолкнул дочь к двери.

– Уходи быстро!!!

Его крик смешался с резким рывком вперёд и звуком нового выстрела, после чего окровавленное тело упало на пол к ногам своего убийцы, однако то ли от шока, то ли ещё от чего, Мария опомнившись, выскочила за дверь, вылетая из дома и выбегая за ворота. На улице начал кропать мелкий осенний дождь, но её это совершенно не волновало. Она неслась вперед, куда она и сама не знала, даже когда впереди показались знакомые лесные деревья, она не остановилась.

Позади неё стали отчётливо слышны крики и выстрелы, но она бежала вперёд, каким-то чудом мелькая между деревьев, и погоня просто не могла прицелиться, что бы выстрелить, как следует. Но всё же сил у непривыкшей к долгим походам, а тем более бегу девушки, стали постепенно таять. Слёзы, бежавшие из глаз, смешивались с каплями дождя, который становился сильнее, и застилали путь. Запнувшись о корягу девушку, полетела, вперёд растянувшись на земле в своей новом, белом платье, которое и так было уже достаточно грязным и даже слегка порванным.

Где то вдалеке вновь послышались голоса людей. И страх оказался сильнее боли, встав на ноги, она осмотрелась и вновь побежала вперед, но уже через несколько минут стало

понятно, что она бежит совсем не туда. Голоса стали отчётливее и громче и находились совсем рядом. Ещё немного и они бы наверняка столкнулись, и тогда судьба девушки была бы печальна, но тут ее в последний момент буквально втянуло куда-то в сторону и она услышала над собой тихий, но такой знакомый и родной шёпот:

– Тихо. Не ори! – попросил Пашка, закрывая ее собой.

– Паш, они там... Он... – дальше девушка не могла говорить, её душили слёзы и хотя сейчас было не время, но остановить она их уже не могла

– Знаю, – тихо вздохнул юноша, глядя её по мокрым волосам – Я видел их, но не успел предупредить. Яшка вырубил меня, а когда я очнулся, то слышал крики и выстрелы. Я надеялся, что ты побежишь в лес.

Слушая его тихий, спокойный голос, девушка начала успокаиваться, ощущая себя в малейшей, но безопасности.

Простояв так ещё немного в полной тишине и прислушиваясь к шорохам, Павел, наконец, решил вылезти из укрытия. Судя по тишине, те, кто преследовал их уже ушли. Плутать в незнакомом лесу, в дождь, занятие не самое приятное. Поняв что, по крайней мере, пока им ничего не угрожает, он вернулся обратно и уже смог рассмотреть Марию.

– Как ты? Не ранена?

Его голос дрожал от волнения и сейчас он даже совсем забыл о правилах поведения, о том, что должен обращаться к ней на Вы.

– Нет.

Мария лишь покачала головой, явно не обратившая внимание на такую мелочь. Сейчас её интересовал более важный вопрос.

– И что мне теперь делать? Как я дальше буду жить?

Это были риторические вопросы, она скорее спрашивала это у себя, чем искала ответа или поддержки у своего собеседника, но и он не мог молчать от напряжения, которое всё ещё витало рядом.

– Здесь мы не останемся, уйдём в Москву, а там попробуем уехать за границу, либо просто скроемся где-нибудь. Москва – большая, они нас не найдут.

Он старался говорить это уверенным тоном, словно действительно знал, что им делать и куда идти дальше. Маша даже слегка улыбнулась, вновь прижимаясь к нему. Она впервые почувствовала холод, который пробирал её до костей. Подняв голову, она с грустью посмотрела ему в глаза.

– Спасибо, – искренне проговорила девушка.

Сейчас он был единственным, кому она могла доверять. Но при этом она всё же не понимала, почему он поступает не так как другие.

– Но зачем тебе это?

– Когда мои родители погибли, Павел Иванович взял меня к себе и тогда я дал себе клятву, что до конца жизни буду, верен ему и его семье и я сдержу эту клятву, чего бы оно мне не стоило, -отважно проговорил он, не желая говорить еще и тех банальных речей что любит ее и жить без нее не может. Ведь сейчас ей было явно не до того, чтобы выслушивать рассказы о любви какого-то нищего парня, который был из жалости, пригрет её семьёй.

Обдумывая сказанное, Мария посмотрела на него, словно пытаясь понять, говорит он правду или нет, а потом снова вздохнула.

– Только эта верность не принесет тебе счастья.

Уже сейчас она понимала, что несёт лишь беды. Мама, отец. А что стало с остальными людьми. Которые приехали на её праздник, вряд ли к ним будут более милосердны, чем к её

семье. Она боялась того, что может стать причиной и его смерти, а потому всячески пыталась отстраниться.

– Значит это моя судьба, – усмехнулся он, не желая думать о чём-то плохом и стараясь отвлечь девушку от подобных мыслей. – Не грусти, я рядом.

Когда он убежал из поместья, то прихватил с собой старый, уже давно изношенный, но всё же прочный тулуп и хотя бы немного, но в нем можно было согреться. Укутав девушку, он развёл небольшой костёр из сваленных ранее сухих веток. Дождь на улице становился всё сильнее и сильнее и потому шансов что кто-то пойдет на их поиски, были крайне малы.

Было решено подождать до утра, а там уже двигаться в дальнейший путь. Видимо сказалось напряжение и согревшись у костра девушка не заметно заснула, а Пашка всё сидел что-то вырисовывая на земле, подобранной палкой, которая, в конце концов, тоже пошла в костёр.

За ночь дождь кончился и, не смотря на осеннюю пору в лесу, стало шумно, защибетали ещё не улетевшие птицы, от ветра зашумела листва на деревьях.

Проснувшись утром, Мария с удивлением заметила, что он всё так же сидит рядом с уже потухшим костром, хотя по его виду, можно было понять, что он не спал всю ночь, охраняя её сон, а если и спал, но не более чем несколько минут.

– Ты что всю ночь не спал?! – возмутилась она, растирая сонные глаза и осмотрелась. То место где они находились, напомнило девушке о том что всё что с ней произошло было отнюдь не сном.

– Да ладно, – отмахнулся тот, зевая и трясая головой, что бы прогнать остатки сна. Ему не хотелось выглядеть при ней слабым. – Помнишь, как в детстве в походы бегали?

Мария задумалась, вспоминая ту пору. В принципе это даже походами было назвать нельзя, так... Небольшая прогулка, а если кто и пытался возмущаться, то папенька лишь улыбался. Говоря, что с таким защитником ей точно ничего не страшно. Вот с любым другим он бы её не отпустил, а Пашка уже тогда внушал доверие. Вспомнив об отце, Мария вновь расплакалась и прижалась поближе к своему спасителю, но через пару минут всё же нашла в себе силы продолжить разговор. Молчать для неё сейчас было страшнее всего.

– Да уж, такое, даже если захочешь, не забудешь. – Помнишь, как ты ногу сломал?

Пашка рассмеялся, вспоминая ту историю, которая случилась лет 5 назад. Ушли они с утра в очередной поход, точнее Маша пошла, прогуляться по весеннему лесу, который как раз только начал преображаться после долгой зимней спячки, а он как всегда сопровождал её, что бы с девушкой ничего не случилось. Только вот получилось тогда наоборот. Идя по лесу, Пашка старался рассказывать какие-то весёлые истории. Которые слышал в деревне, и сам не заметил, как споткнулся о присыпанную снегом корягу, отлетая вперёд. Какого же было удивление всех жителей поместья, когда они вернулись, и Маша буквально тащила на себе своего же охранника. Всё же на одной ноге идти было крайне тяжело, а бросить его там и бежать за помощью ей, в то время как то просто не пришло в голову.

– Ага, а как ты охотится, не давала, зверюшек жалея?

Подобных историй можно было вспомнить многое. Даже слишком много, за эти семь лет беззаботной жизни было и плохое, и хорошее и лишь сейчас им до сих пор не верилось, что та жизнь осталась в прошлом. Можно было вспоминать ещё и ещё, но они оба понимали, что нужно как-то выбираться отсюда, двигаясь дальше.

– Ладно... Куда теперь? – проговорила Мария, глядя на странные каракули, начерченные на земле, в которых она ничего конечно не понимала, но надеялась, что он всё ей объяснит.

Пашка же ещё раз посмотрел на то, что чертил ещё вечером, причем в засыпающем состоянии. Видимо пытался сам вспомнить, что было нарисовано на этих причудливых чёрточках и домиках, и лишь спустя пару минут заговорил:

– Смотри если идти в обход, то к обеду мы выйдем к Сартихе, оттуда по дороге до Костеней, там переночуем, а с утра двинемся к Сорловке.

Именно от Сорловки пролежала дорога, по которой можно было добраться до города, а оттуда уже и до Москвы.

В свои родные Верхние Иволги он считал заходить неразумным делом, ведь там их мог ждать отряд, ведомый Красиным.

– Хорошо бы... – задумчиво проговорила девушка, рассматривая рисунки на песке и разделяя его взгляды понимая, что к родным местам лучше не приближаться, правда, было одно но: – Хорошо... – повторила она – Да только меня в деревнях все знают, не пройти нам.

Сейчас она не доверяла никому, и не меньше Павла боялась, что может столкнуться с теми, кто убил её отца, а значит должен убить и её.

– И что ты предлагаешь? – спросил Пашка, надеясь, что она знает какой-то секретный путь, неведомый простым людям. Ещё в далёком детстве он слышал от стариков истории о различных тайных тропах и потайных ходах, которые были известны лишь помещикам, на случае войны или бунтов. В своё время он даже пытался найти хотя бы один такой ход из поместья Вавиловых, но только поиски эти ни к чему не привели.

– Может, вернёмся в усадьбу? Тебя они не тронут, а я... Я и так всё и потеряла... – с дрожью в голосе проговорила Мария, понимая, что теперь она ничем не отличается от него.

У неё нет ни дома, ни семьи, ни какой-либо власти. Она уже не дочь помещика, она просто обычная девушка, сирота, которая не имеет ничего за душой, и зачем ей жить дальше тоже не знает.

«Ну, я то здесь» – подумал юноша, но не стал произносить это вслух, а добавил совсем другое, что впрочем, тоже было правдой

– Ошибаешься с Яшкиным правлением мне не жить, бежим вместе.

Пусть они и жили на разных концах деревни, и Яшка был старше его на два года, но они оба с детства бегали вместе.

И он как никто другой знал, на что способен его товарищ, особенно если в его руках будет оружие и власть. Он понимал, что она боится всего, да и ему было немного страшно, но этого нельзя было показывать. Нужно было сделать всё возможное, что бы увести её подальше от этих мест. – Думаешь, Павел Иванович обрадовался бы твоей смерти?

Напоминание об отце, который специально прыгнул под пули, лишь бы отвлечь внимание от своей дочери, давая ей, возможность уйти заставили её по-другому посмотреть на ситуацию.

– Хорошо, идём – вздохнула Мария, понимая, что он был прав и что жертва её отца, не должна быть напрасной. Она должна выжить, не смотря ни на что.

Осторожно выбравшись из укрытия, они пошли до деревни. Пашка, который лучше её знал эту местность, шёл впереди девушки, прислушиваясь к каждому шороху и возможно это их и спасло. Почти у самого выхода к Сартихе они столкнулись с группой местных жителей, которыми руководил его друг детства – Тимофей, и всё бы ничего, но среди знакомых людей, было двое незнакомых, одетых совсем не по-деревенски. Увидев их, Мария едва не вскрикнула, но Пашка вновь вовремя зажал ей рот. К счастью они прошли мимо, в другую сторону, по дороге, которая выводила к небольшому лесному болоту. Дождавшись пока отряд, скроется из виду, оба поднялись с земли и двинулись дальше, надеясь, что путь будет свободен.

Они шли почти без привалов, отдыхая крайне мало. Уже после заката они вышли из леса к небольшой деревеньке.

Она была намного меньше, чем Сартиха, но отличалась более выгодной и плодородной землёй. Это были – Костени.

– И куда теперь? – тихо спросила Мария, поглядывая на своего спасителя и едва не падая от усталости.

– Э... – протянул Пашка, который сам не знал, куда им идти. Выйти то они и правда вышли, но вот что дальше... Можно было попробовать дойти до Гришки Адеева, чей дом был как раз почти, что в самом начале деревни, если идти с этого конца. Молодой, шустрый паренёк, который был всего на полтора года младше Павла и который почти всегда привязывался к их компании и вряд ли бы отказал им в помощи. Пожалуй, из всей деревни он был единственным кому юноша мог бы сейчас довериться. Он уже развернулся, что бы спуститься вниз под горку, и направится к знакомому дому с синей крышей. Но не успел.

– И чего это такие люди да тут стоят? – произнес, чей то беззаботный, с весёлыми нотками голос позади них.

Видимо усталость, и напряжение всё же сказались, и девушка медленно рухнула в обморок на холодную землю.

Очнулась она от тихого переругивания Пашки с дедом Матфеем.

Оба хорошо знали этого старого и мудрого человека, разменявшего почти сотню лет, но пребывающего в добром уме и твердой памяти. Дед Матфей был очень крепким стариком и многие, кто не знал его лично, считали, что он взрослый мужчина, примерно лет пятидесяти-пятидесяти пяти, но не более того.

– Ну, как так можно, у неё и так сильное потрясение, а тут вы подкрадываетесь! – возмущался Пашка, выказывая свое недовольство Матфеем, который относился ко всем совершенно спокойным видом, хотя конечно и не отрицал своей «вины».

– Да я ж... Кто ж знал, а нервы у неё крепкие, другая бы завизжала на всю деревню. Вон как порой бабы орут, аж до конца деревни слышать.

– В её то положении? Она же не дура, всё понимает, – вновь возмутился паренёк, глядя на собеседника

– Это да. Это да... – задумчиво проговорил он, а затем внимательно посмотрел на Пашку хитрым взглядом – А ты молодец, повезло ей...

– Скорей уж мне... – не думая отозвался он и лишь спустя пару секунд дошёл скрытый смысл фразы – Вы о чём?!

– Да ладно, я то уж почти век живу, всякого навиделся, не вы первые, не вы последние. Было бы время, рассказал бы о своей жизни подробней, да вот только некогда, да и некому, – вздохнул дед Матфей и, повернув голову, заметил – Глянь, а барыня то в себя приходит.

– Как вы? – это был первый вопрос, который они задали практически одновременно, глядя на хрупкую девушку, которая всё ещё озиралась по сторонам, явно пытаясь прийти в себя

– Хорошо. Вроде, – слабо ответила Мария и неожиданно почувствовала, что это действительно так. Головокружение уже ушло, а поблизости кроме них никого больше не было.

Она поднялась, пытаясь отряхнуть и без того грязное платье и запоздало вспомнила про хорошие манеры – Спасибо. Правда, всё хорошо.

– Что ж, тогда прошу в мою избу, – смиренно ответил дед Матфей, указывая в сторону. Его изба была не намного дальше, чем Гришкина, но оба хорошо понимали, что вреда от спокойного, улыбчивого и всегда честного деда Матфея точно не будет.

Он был одним из немногих старожилков, которые помнили ещё и времена крепостного права и старых хозяев, которые, не смотря на внешнюю суровость, были не такими уж плохими людьми.

Дойдя до старой, уже покосившейся избушки, дед Матфей открыл дверцу, пропуская гостей внутрь

– Вы проходите детки, а я сейчас вернусь. Найду уж перекусить что-нибудь, чем бог послал, а то ведь голодные, наверное.

После чего он молча вышел за дверь, оставляя гостей, рассматривать небольшую горницу. Всё же внутри дом был куда приятнее на вид, чем снаружи. Здесь всегда была чистота, не смотря на то, что жил он один. Да и хозяйство он имел совсем не большое по деревенским меркам. Козу, пару кур, кроликов. Немного земли, на посадку овощей, да вот и всё что нужно для счастья одинокому старику.

Зайдя в дом, гости же старались осмотреться, но при этом, не произнося не слово. Говорить сейчас было особо не о чем. Каждый думал о своём, пока их вновь не вывел из раздумий скрип двери.

Оба инстинктивно подпрыгнули, ожидая чего-то худшего, но на их счастье это был лишь вернувшийся хозяин с небольшой кринкой молока.

– Что ж присаживайтесь, гости дорогие. Покушаете, отдохнёте, а там уж что-нибудь придумаем, – проговорил он, ставя на стол молоко, а затем доставая небольшой чугунок с гречневой кашей, пару свежих картошин да яйца. Ни о чем не спрашивал, не лез с советами или напоминаниями, а просто по-человечески ждал, когда все сядут за стол, да поедят, как следует. Когда за окном стемнело, Пашка задумчиво глянул на хозяина избы.

– Мы это... Пойдем наверное. Ночью ведь народ по деревне не ходит, проще будет до Сорловки добраться, а там уже и рукой подать.

Но дед Матфей отрицательно покачал головой, прерывая его на середине фразы

– Никаких пойдем, и думать об этом даже не можете. Отдых вам обоим нужен, ведь прошлой ночью толком наверняка и не спали.

Да и ночью в наших местах не менее опасно, чем днём, сам ведь знаешь. Не о себе, так хоть о девушке подумай.

Пашка растерянно замолчал, понимая, что собеседник прав, уйти то, они уйдут, и даже есть шанс, что их никто не заметит, но что дальше. Опять ночевать в лесу? Без еды, без нормальной одежды, укрываясь одним лишь старым тулупом из овечьей шкуры.

– Значит так, – продолжал он, словно рассуждая сам с собой. – Сегодня останетесь у меня, я вас схороню у себя, а завтра с раннего утра уйдете. Я вас ещё до петухов разбуджу, да и провожу немного до околицы. Больше шансов будет, что не встретите никого.

Выслушав, оба кивнули. Сон или хотя бы небольшой отдых был и правда, необходим, тем более что после сытного ужина идти куда-то совершенно не хотелось.

– Вот и славненько, а теперь ложитесь ка отдыхать, а мне ещё пару дел доделать надо, – проговорил он, указывая Марии на деревянную, широкую кровать у стенки, а Павлу место на тёплой ещё печке. Всё же деревенскому пареньку сподручнее было бы туда забраться, чем девушке, которая выросла совсем в других условиях. Ещё раз, поблагодарив радушного хозяина, гости разошлись по своим местам и почти сразу же заснули от навалившейся усталости.

Вскоре наступила ночь, окутывая своей темнотой всё вокруг, но в доме было тихо и спокойно. Дед Матфей, как и обещал, с утра растолкал своих гостей, вручив им небольшую котомку с припасами и тёплую одежду. Немного поискав, он протянул Марии и чёрный платок, который должен был скрыть её красивые, белые выющиеся волосы. Сейчас она была совсем не похожа на себя, немного сторбленной, в чужой незамысловатой одежде, с платком на голове. Но она понимала, что лучше быть такой, но жить, чем остаться в своём виде и принять смерть. Страх, который поселился в душе девушки, был слишком прочным.

Выйдя вместе с ними, он действительно проводил их до околицы и лишь у самой дороги остановился, перекрестив обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.